

УЛИЦА ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

И снова спрашиваю мать –
Как вы пробились воевать?
Мать говорит: «Пришли вдвоём,
Забраковал нас военком.
Я тут же принялась реветь,
Но военком сказал: " – Не смей!
Умеешь мотоцикл водить –
Повестки будешь развозить".
Я с каскою на голове
Помчалась по пустой Москве.

А Вера, уж такое дело,
На третьем курсе заболела,
Но скрыли мы – не знал никто –
Она не сдала ГТО!

Сказалась не больной – голодной,
Врачи её признали годной.
Перед глазами, как живая,
Она мне машет из трамвая
И по ветру летит коса...

Так в подмосковные леса,
В тыл фрицам, под огонь засады,
Послали девушек отряды.
В плен Веру раненную взяли
Под Крюково.
Её пытали,
Сломить подругу не смогли –
Её повесили враги».

* * *

Верхневолжьем, среди перелесков, полей
Я на родину матери ехал моей.

Я плотины и памятники миновал,
И места по рассказам её узнавал.

Вот и Кимры, где ярмарка прежде была,
Торговала, гуляла, пила да сплыла.

А тогда день-деньской продавали на ней
Тёс и мёд, осетров, лошадей, соболей.

Здесь опять в воскресенье собрался народ,
Ах, глаза б не глядели – что он продаёт!..

По Горицам пройду.
Здесь три раза на дню
Узнаю я по дугам надбровным родню.

А Мартынцево близко. Бегут зелены.
Вон, под вязами!
Сердце обгонит меня.

* * *

Мой троюродный брат говорит невпопад,
От стеснительности улыбаясь.
Я молчу, но я тоже теряюсь,
Нашей встрече единственной рад.

Да, в какой-то денёк непогожий
Разбросало нас по свету из-под Твери.
Я глаза опущу, ты меня осмотри.
Нет, совсем мы с тобой не похожи.

Знаю, кто-то ведёт
Всем нам, юродным, счёт.
Отработав и выйдя на пенсию,

Он уже насчитал человек восемьсот
В Феодосии, в Томске и в Пензе.

Да, могла быть могучею наша семья,
Многолюдными были б Горницы.
Я порой прилетаю в родные края,
Правда, реже раз в десять, чем птицы...

* * *

Где дом стоял – там нету ничего.
Но строить стены не начну сначала,
Хоть землю жаль и деда моего,
Зарытого у Беломорканала.

По воле было, стало – по судьбе.
След заметён великой круговертью.
И дом бы рухнул сам бы по себе,
И дед бы умер собственной смертью.

Что было внове, стало вдруг старо.
Когда же оклемались недобитки,
И стали жить да наживать добро,
И внуки оказались не в убытке.

Когда мы прикатили по лугам,
Старухи в деревеньки встрепенулись:
«Гляди-ка, раскулаченные к нам
На "Жигулях" вернулись...»

* * *

Вовсе ни умникам вопреки,
Ни дуракам под стать –
В этой избушке у самой реки
Стал он свой век доживать.

Может, и был на подъём тяжёл,
И отгулял своё,
Так из деревни и не ушёл
Житель последний её.

Горше, наверно, не может быть
Мысли последней той,
Что никому уж теперь не жить
Здесь, на земле родной.

ПО ЗИМНИКУ ЧЕРЕЗ ЧУЛЫМ

Вся наша жизнь изменится внезапно,
Хотя земля под снегом, подо льдом –
Но перемены наступают завтра,
А мы сейчас через Чулым бредём.

И впереди шесть месяцев морозы,
Зима, считай, ещё не началась.
Мы верим, так сказать, в метаморфозы,
Что вдруг проснётся дремлющий карась.

Ведь мы не зря же послонялись возле
Зимовий, и пропели там вразброд...
Ещё совсем недавно брёвна вмёрзли,
И на Чулыме нарастает лёд.

Затихнет шум пустого разговора,
И нас с тобой сюда не позовут,
Когда весной, чтоб избежать затора
Вот этот зимник на реке взорвут.

* * *

*«Апраксину не отдавать Азов
или отдать, взяв сперва подписку,
что король непременно будут отправлен».*

История Петра
А. С. Пушкин

К Султану удрал пораженец полтавский –
Пётр в этом увидел опасность, лукавство.

Живёт на Босфоре, и взят на довольство –
Карл вовсе не пленник, хотя и без войска!

У Порты стотысячный просит конвой,
Через Украину собрался домой!

Что турки? Где битая шведская доблесть? –
Не сходится как-то – всё вроде, всё то есть...

Султан своим пленным врагом козыряет,
И Пётр ему крепость Азов возвращает!

Пётр принял обмен для него равноценный!
В столетиях смутных все смыслы мгновенны...